

ТАКЖЕ ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Дельфина Бертолон
«Та, что приходит ночью»

Александр Матюхин
«Город спящих»

Карен Макквесчин
«Проклятие Гримм-хауса»

Олег Кожин
«Игра в куклы»

Елена Усачёва
«Мёртвая свадьба»

Линдси Карри
«Царап-царап»

Эва Франц
«Малиновый холм,
или Дом страха»

Новые истории
совсем скоро!

Лада Кутузова

ГИБЛЫЕ ВОДЫ ЗАРУЧЬЯ

Москва
2022

*Пролетела птица несчастья.
И счастье обернулось бедой.
Было счастье, и не стало его.*

Пролог

Фёдор выжимал газ из видавшего виды скутера. Ветер свистел в ушах, а сердце то замирало, то билось, как птица в клетке: Алёна, сидевшая сзади, прижималась к Фёдору телом, и он чувствовал её тепло. От этого окружающее делалось волшебным. Ступающиеся сумерки и поднимающийся от стылой земли туман добавляли реальности мистичность, стирая грани между мирами.

Алёна положила голову на плечо к Фёдору и что-то произнесла. Он не расслышал: мешал рёв двигателя. По коже побежали мурашки: было приятно и щекотно одновременно. Алёна дотронулась губами до его

Гиблые воды Заручья

шеи, и Фёдору на мгновение почудилось, что асфальт под скутером провалился, а они с Алёной парят на невидимых крыльях.

Тёмно-фиолетовое с просинью небо наливалось красным, точно зреющий фингал, тени удлинялись, и тусклый свет фары казался Фёдору путеводной звездой. Он сбросил скорость: дорога приближалась к перекрёстку. Виднеющийся светофор мигнул и переменил свет на зелёный, Фёдор повернул ручку газа: свободно! Скутер с рёвом рванул вперёд, и в тот же миг Фёдор ощутил удар, который подбросил скутер и его с Алёной. И тогда они взлетели. До самых звёзд.

Часть первая
Мёртвая вода

Глава 1 Кома

С потолка спускались бледно-голубые нити, от них исходило свечение. Фёдор моргнул, затем сфокусировал взгляд и разглядел: рядом с кроватью стояла капельница, от которой к его ключице тянулась гибкая трубка. Фёдор безучастно смотрел, как из неё неспешно капает лекарство. Так медленно, что, казалось, целая вечность прошла, когда в палату заглянула медсестра, чтобы сменить капельницу. Она мельком посмотрела на Фёдора и заметила:

— Очнулся?

Он моргнул. А когда снова открыл глаза, медсестры уже не было.

Выписали его через неделю, за Фёдором приехали отец с матерью. Отец сдержан-

но обнял его, а мать разрыдалась. У Фёдора тоже навернулись слёзы: вся связь с родными в больнице проходила через лечащего врача, Фёдор не мог даже поговорить с ними. Он незаметно вытер слёзы и забрался в машину. Всю дорогу мать держала его за руку, точно боялась потерять, и непрерывно гладила по плечу.

— Что с Алёной? — Фёдор наконец задал тревоживший его вопрос.

— В больнице пока, — скупое ответил отец. Он так взглянул на сына через зеркало заднего вида, что тот понял: отец что-то умалчивает.

— А с тем, кто нас сбил?

В больнице Фёдора навестил полицейский, который допросил его и сообщил, что вины пострадавшего в случившемся нет: водитель машины проехал на красный свет.

— Ничего, — отрезал отец и коротко пояснил: — Это он оплатил мёртвую воду.

До Фёдора дошло: вот кому он обязан спасением! Тому, кто едва не лишил его жизни.

Машина подъехала к дому и остановилась. Отец вышел и помог Фёдору: правая нога не совсем восстановилась после аварии. Парень дохромал до двери подъезда, а потом резко остановился.

— Так нечестно!

— Честно, — ответил отец. — Мы не успевали собрать деньги, да и в фондах очередь была. Думаешь, ты один такой? А счёт на дни шёл.

— Отец прав, — вступилась мать. — Тебе инвалидность грозила: внутри всё отбито было. А так надежда на полное излечение, процесс уже запущен.

— А Алёна? — снова спросил Фёдор.

Отец открыл дверь подъезда.

— Она в коме, — мать сглотнула и получилось: «Онавоме». Фёдор не сразу осознал, что это значит. — Прогнозы плохие.

В квартире Фёдор прошёл в свою комнату и плюхнулся на кровать. Думать ни о чём не хотелось, но мысли упорно возвращались к словам матери. Значит, Алёна в реанимации? Он почему-то считал, что она тоже идёт на поправку, раз с ним всё в порядке. Фёдор пытался узнать что-либо у лечащего врача, но тот лишь отмахивался: мол, никаких сведений нет. То ли и правда был не в курсе, то ли скрывал.

Фёдор поднялся и заглянул в комнату родителей:

— А Алёне разве мёртвую воду не давали?

— Давали, — отозвалась мать и пояснила: — У Алёны мозг повреждён, от этого мёртвая вода не лечит.

Отец ничего не произнёс, но Фёдор вспомнил, как совсем недавно поругался с ним из-за того, что забыл надеть мотоциклетный шлем. Отец даже грозился забрать скутер, но Фёдор извинился, а в тот день... В тот день он и не собирался никуда ехать с Алёной. Ну, может, покататься по дачной грунтовке. Просто Алёнина мать попросила заскочить в соседний посёлок, а Фёдор не смог отказать. За шлемами решил не заезжать: тут ведь совсем близко. Совершил непростительную ошибку, за которую заплатился не он сам, а Алёна.

Радость от встречи с родителями сменилась тоской. Фёдор безо всякого аппетита ел голубцы. Мыслями он был далеко. Надо связаться с родными Алёны. Но что сказать? Что?! Что сожалеет? Нужно им его сожаление. Он виноват не меньше водителя, сбившего скутер. Кажется, всего пятнадцать минут езды до магазина, а вон всё как повернулось.

Прошёл час, прежде чем Фёдор набрался смелости позвонить родителям Алёны. Трубку взял отец.

— Николай Степанович, — сбивчиво произнёс парень, — это я. Как дела у Алёны?

Тот ответил не сразу, будто специально тянул паузу, отчего у Фёдора разнылся живот.

— Плохо, Федя, — вздохнул Николай Степанович. — Алёна в себя не приходит, а вчера Нину с сердечным приступом «Скорая» забрала: она себя в случившемся винит.

— Почему?

— Потому что попросила вас в магазин съездить, — сдавленным голосом сказал Николай Степанович.

Фёдору показалось, что он плачет.

— Так я шлемы не взял, — парень решился: будь что будет. — Это моя вина.

— Чего уж теперь думать, чья вина. Мы не на суде, — отрезал Николай Степанович. — Только так тяжело, что жить невозможно.

— Хотите, я приеду? — неожиданно для себя предложил Фёдор.

— Приезжай, — согласился Николай Степанович.

— Куда ты?! — окликнула мать, когда Фёдор начал обуваться.

— К Николаю Степановичу, — он зря надеялся, что мать уже ушла из кухни, а потому не придётся ничего объяснять.

Она перегородила выход:

— Нечего тебе там делать! Только нервы трепать.

— Надя, пусти его, — из спальни показался отец. — Он правильно всё делает.

Мать так побледнела, что на мгновение Фёдору стало страшно: вдруг и с ней случится приступ, как с тётёй Ниной? Она неотрывно смотрела на отца, а потом, не произнеся ни слова, вернулась в кухню, громко хлопнув дверью.

— Ступай, — велел отец. — Только будь осторожен.

В дачном посёлке дома Алёны и Фёдора стояли друг от друга в ста метрах. Утром Фёдор первым делом высовывался в окно на втором этаже и высматривал Алёну: встала или ещё нет? Обычно девушка поднималась раньше. Если замечала Фёдора, то махала рукой. Он тогда быстро проглатывал завтрак, а после нёсся к ней: в летнюю жару они часто ездили на карьеры искупаться.

В городе до дома Алёны Фёдор добирался пешком минут за двадцать. Но нога болела, поэтому он отправился на остановку.

— Федька, ты, что ли?! — Он заметил соседку по подъезду, тётю Настю, которой до всего было дело.

Мама объясняла это тем, что у тёти Насти нет своей личной жизни, а потому она лезет к другим.

— Да, я, — коротко ответил Фёдор.

Соседка встала перед ним и жадно осмотрела, ощупывая взглядом.

— Живо-о-ой, — протянула она. — И даже ходишь. А говорили, что вас обоих по асфальту размазало.

Фёдор обогнул её и, ничего не ответив, отправился дальше.

Автобус подъехал через пять минут. Фёдор с трудом забрался в салон и уселся на обтянутое дерматином сиденье. Уголки сиденья лопнули, из-под обивки виднелся поролон. На спинке соседнего сиденья кто-то написал шариковой ручкой: «И пролетела птица несчастья...» Фёдор откинулся и прикрыл глаза: нога разболелась так, что хотелось укутать её в одеяло и нянчить, точно младенца.

В салоне пахло пылью, бензином и нагретым дерматином. Солнце припекало через стекло — и не скажешь, что уже конец августа: слишком жарко. Вскоре Фёдор почувствовал, как опускаются плечи и наливаются тяжестью веки. Словно он стал Вием, и те-

перь без посторонней помощи их не поднять. На какое-то мгновение парень провалился в сон и тут же очнулся, будто от толчка: остановка! Вскочил, тут же поморщился — в ногу стрельнуло — и, ковыляя, потащился к выходу.

На остановке ветер гонял упаковку от чипсов и пустую пачку из-под сигарет. Рядом валялась перевернутая урна. Фёдор на автомате поднял её и пошёл дальше. Алёна жила в панельной пятиэтажке: серые блоки в сети трещин, жёлтая газовая труба, оплетающая здание по периметру. Фёдор зашёл в подъезд и поднялся по стёртым ступеням на второй этаж. Он дважды нажал на кнопку звонка. На мгновение — всего одно, но Фёдор почти поверил в это — ему почудилось, что дверь откроет Алёна, целая и невредимая. Он подхватит её на руки, и всё будет, как прежде.

Но наваждение схлынуло, когда на пороге появился Николай Степанович. Он пропустил парня внутрь и закрыл дверь. Квартира пропахла табаком. Непривычный к запаху Фёдор закашлялся, на что Николай Степанович извинился:

— Я лет десять, как бросил курить, а тут сорвался. Но ничего, вечером проветрю — Нину завтра выписывают.